

9 ДЕК 1981

Олег ЛОЙКО 2204

ВЕНЧАЯ МУЖИКА С КРАСОЙ МАДОННЫ...

ОТЕЦ Максима Богдановича — Адам Егорьевич — был дружен с А. М. Горьким. Они познакомились после переезда семьи Богдановичей в Нижний Новгород в 1896 году. Женой А. Е. Богдановича была Александра Волжина — родная сестра Екатерины Волжиной, жены Горького. О своих встречах с великим пролетарским писателем А. Е. Богданович оставил довольно пространное воспоминание, вошедшее в книгу «Страницы из жизни М. Горького».

В прихожей нижегородской квартиры Адама Егорьевича висела репродукция старинной картины, изображавшей мадонну, подаренная М. Горьким главе семьи. Максим Горький, конечно же, не подозревал, что дарит ее прежде всего сыну Адама Егорьевича — Максиму, а через него — всей белорусской литературе!

Запомнил ли Алексей Максимович пятилетнего мальчика, который, возможно, и выбегал на его звонки в прихожую? Этого мы не знаем. Но то, что образ мадонны-матери, осенявшей впечатлительного ребенка, органически вошел в творчество великого белорусского поэта, — об этом красноречиво свидетельствует единственный прижизненный сборник его стихов «Венок». Именно этим сборником священный образ мадонны был утвержден в белорусской поэзии, стал в ней рядом с образами белорусского мужика и молодой Беларуси.

«Венок» — это, собственно, не сборник, а целостная поэтическая книга. До последнего времени «Венок» Максима Богдановича в своей классической завершенности не был у нас известен. Первый издатель, вопреки воле автора, отбросил третью часть, кото-

рая с тех пор печаталась как отдельный цикл. Издатель не понял поэта. И лишил бы этого понимания и нас, если бы наборщик книги не оставил своеобразных «родимых пятен», непосредственно авторского замысла «венка»: римской единицы, означавшей первую часть книги, и тем же шрифтом набранное заглавие второй. Конечно, и в таком неполном виде «Венок» М. Богдановича остается в белорусской литературе классическим образцом поэзии.

«Картины и песнопения» — так назвал М. Богданович первую часть «Венка». Ее составляют зарисовки реальной жизни и песнопения в честь светлых гуманистических идеалов, наполняют вера в будущее.

В чем же черпал М. Богданович силу для поэтического возвышения? Что укрепляло эту его веру в будущее Белоруссии? Прежде всего — красота и доброта людей и, главное, женщин-мадонн, кристально чистые нравственные истоки их души, соотнесенные в сознании поэта с женскими образами эпохи Возрождения!

Вторая часть «Венка» так и названа автором — «Мадонны». От изображения характера белорусского мужика и молодой Беларуси к лику мадонн, не христианских, не мистических, а найденных в том же белорусском селе, воспетых и Купалой, и Коласом, — вот путь Богдановича, поднимающий его к вершинам мировой лирики.

Основная, пронизывающая сборник «Венок» мысль заострялась в третьей части, названной им «Любовь и смерть» — мадонны и немадонны.

«Венок» был напечатан в 1913 году в городе Вильно. Но первый его экземпляр поэт листал на берегу Волги, в Ярославле, будучи студентом юридического факультета. Товарищи по учебе удивлялись, как это он своей книгой вводит в такую сугубо крестьянского характера литературу, как белорусская, образы, мотивы, формы, навеянные античностью и Возрождением. Кому это нужно — мужику?! Поэт же был убежден: да, мужику, народу.

После выхода «Венка» М. Богданович прожил недолго — всего четыре года. Лик мадонны витал над ним, умирающим в Ялте. Но сколько событий успело потрясти мир за этот краткий срок! Образ пугливо-печальной и умиротворяющей женственности казался ему уже таким беззащитным... И поэт пишет «Погоню», воспевающую всадника с карающим мечом.

Слущкие ткачихи — панские полонянки, ткавшие на своих полотнах не персидские узоры, угодные господам, а «цветок родного василька», олицетворяющий верность отчизне, и устремленный в будущее всадник, поднимающий благословенный крестьянскими мадоннами меч в боях за правду, — вот любимые образы поэта.

М. Богданович стал революционно настроенным интеллигентом. Он не мог им не стать, защищая угнетенного человека «будто проклятого богом» края, венчая мужика с красой мадонны Рафаэля, по-товарски пробуждая в белорусском крестьянине человеческое достоинство.

МИНСК